

УДК 94(5)

А.М. Досымбаева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ ИСТОРИИ ТЮРКОВ

Исследования в археологии, направленные на изучение одного типа артефакта, в процессе его анализа как исходного источника служат для этнографических реконструкций, позволяющих в последующем прийти к более широким выводам по истории того или иного этноса в пространстве и времени. Объектом исследования является сравнительный анализ родовых тамг тюргов в их пространственной локализации на территории Евразии, как символов каганов тюргов и источников по истории тюркской государственности.

Ключевые слова: тамга, тюргов, петроглифы, археология, этнография.

В процессе комплексного изучения памятников тюркского святилища Жайсан, расположенного на территории Шуского района Жамбылской области, на северо-западных склонах хребта Кіндіктас, выявлены погребальные памятники, культовые ритуальные конструкции с каменными изваяниями (всего зафиксировано 39 статуй, установленных с восточной стороны оград). Наряду с погребально-поминальными сооружениями открыто несколько скоплений наскальных изображений, большое количество родовых тюркских и казахских тамг, среди которых присутствуют собственные знаки народа он окбудун, тюргов, карлуков. Тамги высечены на стелах, на двух изваяниях, на скалах совместно с петроглифами. Интерпретация памятников святилища Жайсан, основанная на методах археологии, сравнительного анализа всех типов конструкций и артефактов из раскопок, искусствоведческого анализа особенностей стиля статуарных образцов, позволила определить их хронологическую и этнокультурную принадлежность. Святилище было создано представителями восточных тюрков – карлуками и служило им начиная с 744 г. – времени переселения их на земли народа он окбудун. Наряду с карлуками коренное население – народ десяти стрел – по-прежнему живет на землях Жетысу/Семиречья.

Сравнительный анализ тем и сюжетов памятников наскального искусства святилища Жайсан со сценами охоты, изображениями всадников, людей, ведущих в поводу верблюдов и отдельных животных (олений, верблюдов, козлов), не противоречит выводам о целостности содержания различных видов и типов памятников как частей единого сакрального центра восточных тюрков, переселившихся на земли народа десяти стрел. Родовые тамги – знаки собственности тюрков, маркирующие территорию святилища Жайсан, выявле-

ны в местах скопления петроглифов, на одной плоскости совместно с ними, на стеле, изваяниях. Одним из типов родовых знаков собственности являются тамги тюргов, представленные в форме ромба или круга на подвеске. Аналогичные тамги изображены на груди двух изваяний. В процессе комплексного исследования памятников стало очевидным, что петроглифы и тамги являются неотъемлемой частью единого по содержанию и назначению культурного наследия тюркских кочевников, в статье рассмотрены вопросы взаимосвязи двух видов источников – родовой тамги тюргов с образом верблюда, открытых в сакральном центре святилища Жайсан.

В урочище Унгури на большой вертикальной площади скалы расположена сцена с фигурами верблюда, оленя и несколько небольших отдельных изображений козлов (рис. 1, 4). Изображения животных выполнены в одном стиле, с использованием сходной техники контурной прорисовки, с дальнейшей шлифовкой внутри контура. Описываемая композиция объединена общим сюжетом. Туловища верблюда и оленя направлены друг к другу, но головы обоих животных обращены в одну, противоположную сторону, на северо-запад. Голова оленя, расположенного напротив верблюда, повернута назад, и создается впечатление, что внимание обоих животных направлено на что-то или кого-то, находящегося к северо-западу от них. Двугорбый верблюд в описываемой сцене представляет крупное животное, которое в несколько раз превышает размеры оленя и занимает половину большой скальной плиты. Уступая по размерам туловищу верблюда, изящная фигура оленя с устремленными ввысь ветвистыми рогами по высоте (до 1 м) также занимает значительное пространство скалы. Изображения верблюдов в наскальном искусстве Казахстана встречаются почти во всех святилищах с петроглифами, и, по данным иссле-

дований, это животное на протяжении нескольких тысячелетий являлось одним из объектов почитания. Большое количество петроглифов с фигурами описываемых животных расположены в местах скопления наскальных рисунков Центрального Казахстана [1. С. 14–16. Рис. 23, 26, 40–42, 45, 47, 48 и др.; 2. С. 49. Рис. 14. Табл. 19, 22–24 и др.]. Обратив внимание на «мастерство выполнения и сюжетное богатство гравюр», манеру передачи образов животных, наполненных экспрессией, А.Х. Маргулан писал, что «древние мастера могли передать горделивую осанку верблюдов, стройность скакунов, изящество оленей ...» [1. С. 14]. По результатам исследования наскальных рисунков Каратау отмечено, что «в петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века верблюд является центральным персонажем многих картин, вокруг которого развиваются все события. Культурный характер многих сцен с участием верблюда подчеркивается огромными размерами этого животного и непропорционально мелкими изображениями других действующих лиц» [3. С. 177–178].

Использование данного животного в культурном прикладном искусстве народов Центральной Азии имеет глубокие корни. Изображения верблюдов встречаются на металлических пряжках из Сибири, Приуралья, Западного Казахстана [4. С. 188. Табл. II]. В середине I тыс. до н.э. металлические пряжки с верблюдами являлись одним из атрибутов захоронений социальной элиты [5. С. 89–90. Рис. 5, 1–2]. В погребении усуньской жрицы из Каргалы среди культовых предметов были два золотых перстня со скульптурными фигурками верблюдов, инкрустированных бирюзовыми вставками [6. С. 118]. Образ животного присутствует и на таких культовых предметах, как курильницы, которые использовались для обрядовых действий во время церемоний. Шествующие друг за другом верблюды изображены по бортикам и в центре двух курильниц, представляющих круглые блюда на конической подставке [6. С. 77–78].

В тюркский период верблюд по-прежнему являлся одним из любимых персонажей наскального искусства, и его изображения повсеместно встречаются на территории Казахстана: в горах Улытау, Каратау, Хантау [1. С. 16]. К эпохе раннего Средневековья относятся новые скопления рисунков, открытые в Минусинской котловине, среди которых «довольно большое количество изображений верблюдов с всадниками и без них, бегущие свободно или ведомые всадниками на конях» [7. С. 132]. На одной из сцен в местности Улазы рядом с рисунками всадников на верблюде и лошади изображены тамги [7. С. 131. Рис. XVII].

Ромбовидная тамга, высеченная на одной плоскости с изображениями всадников на верблюде и лошади в композиции из Улазы, имеет сходство с тамгами на скалах святилища Жайсан. Такие тамги, напоминающие по форме ромб, свисающий на овальной подвеске, близки к ромбовидным подвескам, изображенным на груди тюркских каменных статуй. Среди тамг Жайсана зафиксированы парные изображения на подвесках. Одна из них округлая на подвеске, вторая – в форме ромба. На подвесках ромбовидной тамги с обеих сторон нанесены две отходящие от нее черточки (рис. 1, 1). Аналогичные по форме подвески-амулеты изображены на изваяниях святилища Жайсан, в группе памятников Теректы 1 и 2 на изваянии 3 ритуальной конструкции памятника Аламан 3 (рис. 1, 2). Ромбовидные амулеты известны в литературе по тюркским статуям Семиречья [8. Табл. II, 9; XIX, 83; XXI, 97]. Помимо функции украшения, амулет мог иметь сакральный смысл, служить оберегом. Ромбовидной амулет изображен на груди скульптуры в «трехрогом» головном уборе, из местности Кегеты в долине реки Шу/Чу (рис. 1, 3) [8. Табл. XIX, 83]. Это позволяет подтвердить предположение о сакральном характере знаков в форме ромбов, которые изображались на статуях и скалах. На денежном чекане VII–VIII вв. в Шашском оазисе ромбовидные знаки на подвесках сопровождают монеты с верблюдами на аверсе с номиналом и надписью на согдийском языке «Благодатный божественный каган» на реверсе монеты (рис. 1, 6) [9. С. 20, 99]. С середины 30-х гг. VIII в. в Отрарском оазисе имели хождение монеты с тамговым знаком тюркешей в форме ромба на подвеске [10. С. 121].

Описываемые типы тамг непременно изображались с подвесками из треугольников, ромбов или кружочков с дополнительными черточками на линиях подвесок. В содержании знаков на культовых памятниках, наскальном искусстве заложен глубокий смысл. Учитывая, что такие знаки высечены на груди отдельных каменных статуй святилища Жайсан и других скульптурах, в том числе и на изваянии в «трехрогом» головном уборе из Кыргызстана, можно говорить о сакральности знака в виде ромба и его функциях. Они служили символами и, вероятно, подвесками-оберегами или амулетами. Сфера их использования выходила за рамки обычных представлений о тюркской культовой обрядности.

В контексте работы представляет интерес широкое распространение описываемых знаков на предметах различного назначения. Согласно обычному праву кочевников маркировка сакральных

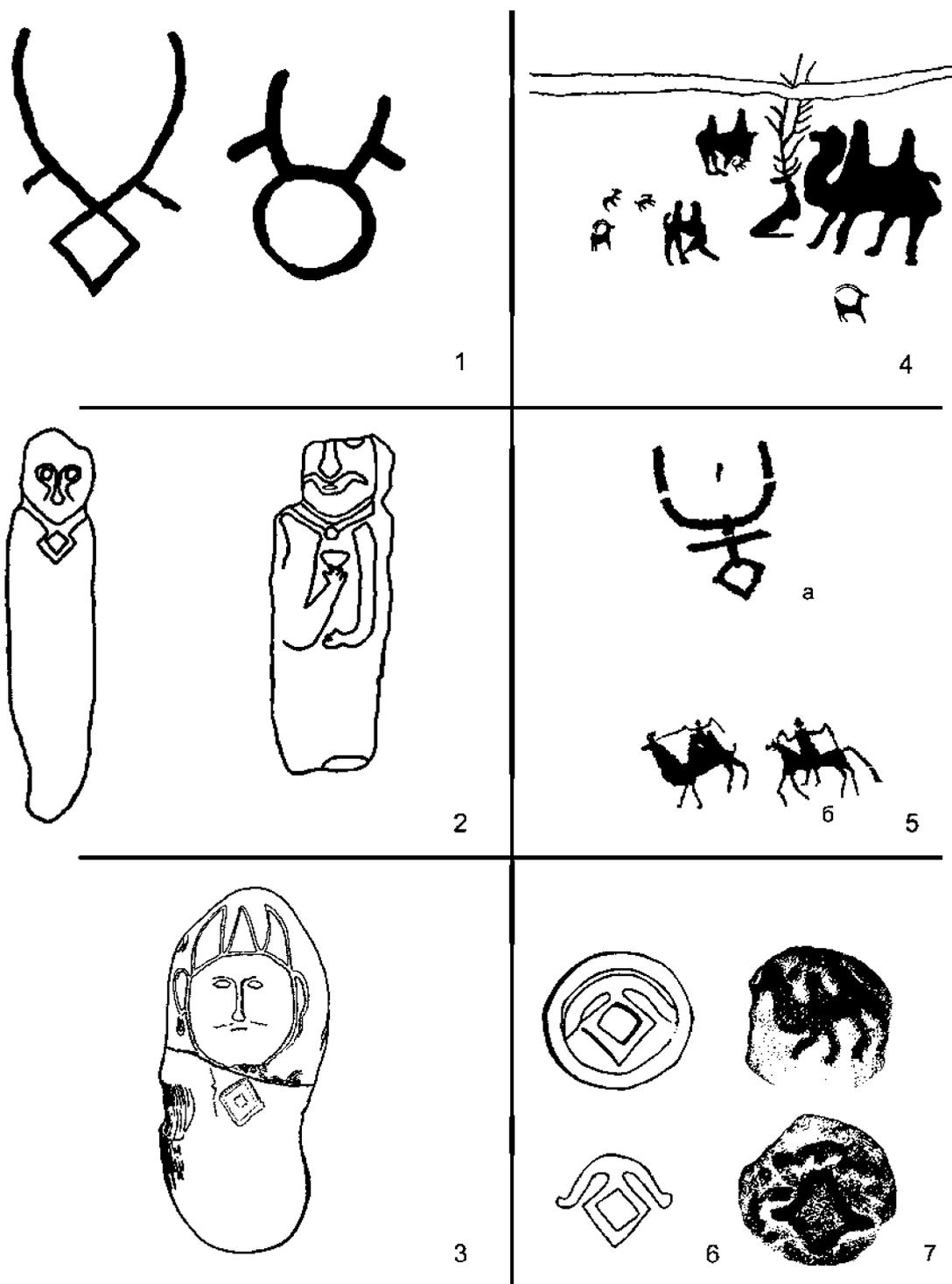

Рис. 1.

1 – святилище Жайсан, тамги тюргешей; 2 – тамги на изваяниях святилища Жайсан; 3 – тамга тюргешей на изваянии из Кегеты, Кыргызстан; 4 – святилище Жайсан, сцена с изображением верблюда в Унгури; 5 – петроглифы и тюргешская тамга из Улазы (Минусинская котловина); 6 – монета с тамгой тюргешей из Восточного Туркестана; 7 – монета с изображением верблюда на аверсе монеты и тамгой тюргешей на реверсе (Ташкентский оазис)

связана с присутствием таких же символов на каменных статуях и тюркских монетах. Выявленная связь еще раз подтверждает неразрывное единство основных ценностных эталонов традиционного общества тюркских кочевников. Родовые тамги, отображенные на скалах, памятниках святилища Жайсан служили и в качестве «знаков собственности определенного клана на отдельные ценные вещи, скот и уголья...», «причастности человека или группы родственников к определенной акции: в процессе проведения обрядов, при заключении разного рода договоров, связанных с произнесением клятв, религиозных церемониях». Тамги служили и для внешнего предъявления [11. С. 22–23]. Представляется интересным, что тамгой могли маркировать «культурные объекты, и она же являлась эпитафийным компонентом», а также выступала в качестве заместителя имени носителя или его подписи [12. С. 11]. Тамги, высеченные на скалах Жайсана, и их аналоги на древнетюркских монетах свидетельствуют о правомерности вывода, что «тамга была связана с понятием власти» [13. С. 100].

Одним из вероятных объяснений содержания ромбовидных, округлых тамг с подвесками, изображенных на скалах, статуях, монетах, может послужить известный сюжет о чудодейственных камнях, принадлежащих тюркам. В одном из вариантов легенд о происхождении огузов Табари пишет, что «камень висел на шее...» и «причиной вражды между тюрками и детьми Яфеса ... был тот камушек и нечестность Гуза (Огуза, правнука Яфеса), который обманым путем завладел камнем». По одной из версий письменных источников поводом для вражды между тюркскими племенами явился спор за обладание чудодейственным камнем [14. С. 88–89]. Описание чудесного камня во многих письменных текстах, вероятно, отражает культ камня, гор, священной горной пещеры, ассоциируемой с родной землей. В таком контексте владение камнем с магическими свойствами могло отражать право на обладание священной землей тюрков, что и явилось причиной вражды между племенами. Возможно, что ромбовидная тамга, которую непременно изображали на подвеске, в традиционном мировосприятии являлась олицетворением обозначения земли тюрков, и этот знак на монетах тюркшей, вероятно, имел такое содержание. Также нельзя исключать, что в изображении подвесок, применявшихся и в качестве тамг на деньгах тюркского государства, могла быть информация о реальном, действующем обладателе земли тюркской. В казахской этнографии до современности сохранилась традиция ношения

тумара – оберега, напоминающего ромбовидную или треугольную тамгу. Тамгой рода ошакты племени шапрашты является тумар/оберег (ошакты / хозяева очага – с казах. яз.). Ромбовидные тамги, высеченные на скалах, могли служить для маркировки границы сакральной зоны святилища Жайсан. Однако присутствие аналогичной тамги на тюркских монетах Южного Казахстана, Шашского оазиса VII–VIII вв. позволяет признать такие знаки одним из этнокультурных эталонов тюркских народов данной эпохи, центральные владения которых локализовались на землях в бассейне долины реки Шу. Сочетание ромбовидной тамги с изображением верблюда говорит о том, данный образ использовался и в области идеологии. Как символы государственности эти знаки характеризуют культурные особенности тюркских племен казахской степи. Результаты данного исследования указывают и на экономический, социальный и политический статус тюркских племен раннего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Соч. Алматы: Гылым, 2003. Т. 3. 50 с.; Т. 4. 246 с.
2. Новоженев В.А. Петроглифы Сары Арки // ИА им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2002. 125 с.
3. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.
4. Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 183–195.
5. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховья р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 84–93.
6. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: Берел, 2005. 184 с.
7. Леонтьев Н.В., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 120–132.
8. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966. 138 с.
9. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки им. Алишера Навои, 2007. 119 с.
10. Бурнашева Р.З. Монеты как источник для характеристики социально-экономических отношений в Южном Казахстане // Известия МН и ВО РК. НАН РК. Серия общественных наук. 1999. № 1. С. 120–128.
11. Яценко С.А. Знаки – тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература РАН, 2001. 190 с.
12. Васильев Д.Д. Древнетюркская эпиграфическая традиция в Малой Азии // История и филология Турции. Тез. докладов. Институт востоковедения АН СССР. М., 1976. С. 10–12.
13. Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Хакасский гос. ун-т, 2004. 279 с.
14. Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 238 с.